

политика

С. Н. Шкель

НЕОПАТРИМОНИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ И УСТОЙЧИВОСТЬ АВТОРИТАРНЫХ РЕЖИМОВ ЕВРАЗИИ¹

Ключевые слова: политические режимы, авторитаризм, неопатримониализм, постсоветское пространство, клановость, клиентелизм, патронаж

Введение

¹ Автор признателен Центру сравнительных исторических и политических исследований ПГНИУ за обсуждение ранней версии статьи в рамках научной конференции «[Не] скромное обаяние клиентелизма: Патрон-клиентские отношения в сравнительной перспективе» (Пермь, 18—20 июня 2015 г.). Особую благодарность я хотел бы выразить А. Гилеву и М. Завадской, чьи ценные комментарии и замечания помогли мне в ее доработке.

² Подробнее см. Шкель 2013.

³ Roth 1968; Eisenstadt 1973; Médard 1982; Bratton, Walle 1997; Erdmann, Engel 2006; Теобальд 2007.

⁴ Hale 2005; Фисун 2010; Robinson 2012; Robinson 2013; Гельман 2015.

⁵ Bratton, Walle 1997.

⁶ Erdmann, Engel 2006.

⁷ Collins 2009.

⁸ Завадская 2014.

Исторические и современные формы авторитаризма весьма разнообразны². Говоря о постсоветских политических режимах, исследователи часто подчеркивают их неопатримониальный характер. При этом, если раньше концепт неопатримониализма³ использовался главным образом применительно к странам Центральной Азии и Кавказа, то в последнее время все больше ученых признают его плодотворность при анализе режимов в европейских государствах бывшего СССР, таких как Россия или Украина⁴.

На основе изучения политических трансформаций начала 1990-х годов в странах Африки М. Браттон и Н. ван де Валл выделили три ключевых элемента неопатримониальных режимов: президенциализм (персонализм), клиентелизм и пребендализм. Но еще более важным в теоретическом плане было уточнение ими сущности неопатримониализма как политического режима, при котором патримониальные практики соседствуют с рационально-легальными институтами⁵. Как отмечают Г. Эрдманн и У. Энгель, именно синтез формальных и неформальных институтов определяет суть неопатримониализма⁶. Другими словами, неопатримониализм — это не просто система государственного управления, где господствуют персонализм, клиентелизм и коррупция, но режим, в котором при широком распространении неформальных практик серьезную роль играют формальные институты, чьи функции не сводятся к сугубо фасадным.

Хотя наличие неопатримониального режима негативно сказывается на внутреннем экономическом развитии страны (в силу масштабов коррупции и хищнического поведения элит) и создает немало проблем для ее интеграции в мировую экономическую систему⁷, неопатримониальные практики могут также служить основанием стабильности авторитаризма. Статистические данные позволяют предположить, что персоналистские авторитарные режимы в целом более уязвимы для поствыборных протестов, чем однопартийные или военные⁸. Тем не менее, как показывает опыт постсоветских государств, некоторые персоналистские режимы оказываются вполне устойчивыми и успешно справляются с разного рода дестабилизирующими факторами. Вероятно, на устойчивость режима влияет не только его тип, но и способность авторитарного лидера

⁹ *Bueno de Mesquita et al. 2003.*

эффективно формировать властную коалицию⁹, используя разные наборы формальных институтов и неформальных практик.

В настоящей статье предпринята попытка систематизировать важнейшие неформальные практики, обеспечивающие устойчивость авторитарных режимов. В частности, на основе анализа постсоветских случаев выявлены выгоды и издержки (с точки зрения устойчивости властной коалиции) кооптационных механизмов, базирующихся на принципах клановости, клиентелизма и патронажа.

Меню неопатримониальных практик: клановость, клиентелизм, патронаж

Неопатримониализму присущ ряд универсальных характеристик, главными из которых выступают персонализм, рентоискательство, коррупция и пребендализм. В то же время можно выделить несколько специфических неформальных практик, с помощью которых политические лидеры выстраивают иерархию своего господства и распределения ресурсов. К их числу относятся клановость, клиентелизм и патронаж. И хотя эти практики часто используются параллельно, в каждом конкретном случае или на определенном этапе можно зафиксировать доминирование одной из них. Преобладание или отсутствие какой-либо из этих практик может служить основанием для классификации неопатримониальных режимов и выявления содержательных различий между подвидами неопатримониального господства.

Связи кланового, клиентелистского и патронажного типа обладают общим признаком, суть которого заключается в наличии иерархических отношений, основанных на взаимовыгодном обмене материальными благами и селективном распределении ренты. Вместе с тем между соответствующими неформальными практиками имеются различия, учет которых может быть полезен с аналитической точки зрения. Размежевание между клановостью, клиентелизмом и патронажем определяется такими факторами, как характер и широта круга лиц, включенных в распределительные элитные и социальные сети.

Клановость. Ряд исследователей постсоветских стран Центральной Азии указывает на доминирующую роль в них клановых отношений, рассматривая кланы как ключевые неформальные институты, задающие логику развития политических режимов¹⁰. Понятие «клан» используется и применительно к европейским странам бывшего СССР, однако в данном случае оно трактуется расширенно, обозначая этнические, земляческие, региональные и т.п. элитные группы. В настоящей работе я следую трактовке тех авторов, которые связывают клановые отношения с кровным родством. Так, К.Коллинз определяет кланы как «неформальные организации, построенные на обширной сети реальных или фиктивных родственников»¹¹. Исследователь туркменских элитных кланов Ш.Кадыров подчеркивает, что, в отличие от других видов элитного взаимодействия, в клане «над прочими формами и принципами сплочения группы главенствует *идея* кровного родства... Именно это

¹⁰ *Амеркулов 2000; Schatz 2004; Collins 2006.*

¹¹ *Collins 2006: 25.*

¹² Кадыров 2010: 3—4.

родство и отличает клан вообще и элитный клан в частности от остальных неформальных институтов¹². Аналогичной точки зрения придерживается Ч.К.Ламажаа, согласно которой «клан — это объединение, основанное на родстве его членов, на происхождении их от одного предка (реальном или вымышленном), имеющее общую хозяйственную основу для функционирования и соответствующую структуру для реализации эффективной хозяйственной деятельности: лидера (лидеров) клана и группы родственников. Соответственно, клановые отношения — это прежде всего родственные отношения между людьми, объединенными, как в архаичные времена, для решения экономических задач выживания»¹³.

¹³ Ламажаа 2010: 41.

Родственный характер клановых отношений означает, что подобная модель выстраивания властной коалиции имеет объективные ограничения и, как правило, подразумевает наличие узкого круга лиц, непосредственно включенных в неформальные распределительные практики. Политические лидеры ряда постсоветских стран вынуждены учитывать клановый характер элит. Элитная фрагментация по клановым основаниям позволяет лидеру утверждать свою личную власть, играя на межклановых противоречиях с помощью стратегии «разделяй и властвуй»¹⁴. Однако нарушение кланового равновесия ведет к дестабилизации режима. Повышают риски дестабилизации и попытки политических лидеров опереться на какой-то конкретный клан, поскольку монополия одного клана ведет к сокращению властной коалиции и росту числа «обиженных», которые переходят в лагерь оппозиции, увеличивая ее ресурсы. Поэтому неопатримониальные режимы, строящиеся исключительно на клановых сетях, отличаются неустойчивостью.

¹⁴ Acemoglu, Robinson, Verdier 2004.

Опыт развития постсоветских режимов говорит о том, что переориентация на сугубо клановый принцип построения властной коалиции обычно происходит в периоды ослабления политических лидеров. Но этот вынужденный шаг редко приносит желаемые плоды. Напротив, ставка на узкую коалицию, включающую в себя лишь представителей близкого к политическому лидеру клана, приводит, как правило, к политическому кризису и потере власти.

¹⁵ Kukhianidze 2009: 222.

Так, в Грузии одной из причин кризиса 2003 г., получившего название «революция роз» и приведшего к свержению президента Э.Шеварднадзе, был характер властной коалиции, обладавшей явными чертами клановости. Приватизация государственной собственности, проведенная в Грузии после 1995 г., открыла возможности для обогащения родни президента и связанных с ним лиц¹⁵. Элитная структура в Грузии стала напоминать пирамиду во главе с президентом, который опирался на ближний круг родственников, получивших политические преференции и контроль над экономическими ресурсами. Например, свояк президента Г.Ахвледиани возглавлял несколько промышленных предприятий и бизнес-структур. Дочь президента М.Джохтаберидзе и ее муж завладели крупными экономическими активами посредством незаконной приватизации. То же самое относилось к племяннику президента Н.Шеварднадзе, а также к некоторым другим его родственникам¹⁶.

¹⁶ Колоницкий 2007: 265.

Аналогичные тенденции наблюдались и в Кыргызстане. Первый президент страны А.Акаев пришел к власти в результате неформальной договоренности между двумя противоборствовавшими властными группировками, разделенными по региональному принципу (Север—Юг), в качестве нейтральной компромиссной фигуры. Сравнивая положение Акаева и Н.Назарбаева, Э.МакГлинчи использует метафору двух самолетов: если Назарбаев, опиравшийся на старую коммунистическую номенклатуру, получил современный «Боинг» с несколькими десятками запасных пилотов и бортинженеров, на помощь которых мог рассчитывать при самых сложных виражах, то Акаеву, лишенному элитной поддержки, достался маленький самолетик с ограниченным экипажем, половина которого не столько помогала ему, сколько соперничала с ним¹⁷. Не имея возможности опереться на элитные сегменты, Акаев был вынужден выстраивать неформальные связи и личную клановую сеть. Распределение внутри этой сети экономических ресурсов обеспечил процесс приватизации, бенефициарами которого стали непосредственные родственники Акаева и представители элит Севера¹⁸. По оценке экспертов, к началу 2000 г. семья президента так или иначе контролировала более 175 ключевых предприятий Кыргызстана. Недовольство экономическим влиянием семьи Акаева приняло повсеместный характер. Не случайно одним из наиболее популярных оппозиционных лозунгов времен президентства Акаева был «Бойкот семейному бизнесу!»¹⁹.

¹⁷ *McGlinchey 2011: 11.*

¹⁸ *Демократия 2008.*

¹⁹ *Spector 2008: 152—153.*

Это объективно вело к сокращению элитной поддержки президента. Властные группировки Севера и Юга были готовы мириться с его ролью медиатора до тех пор, пока он обеспечивал баланс элит. Однако опора на узкий круг родственников вызывала раздражение всех элитных сегментов. Хотя Акаев, будучи выходцем из северных регионов Кыргызстана, отдавал предпочтение «северянам»²⁰, доминирование его родственников не устраивало и их.

²⁰ *Кынев 2011.*

Правление второго президента Кыргызстана К.Бакиева, пришедшего к власти в 2005 г. на волне так называемой «революции тюльпанов», можно условно разделить на два этапа. Первоначально он успешно использовал стратегию кооптации во власть лидеров оппозиции, что стабилизировало его положение. Но после смещения Ф.Кулова, коалиция с которым символизировала союз между элитами Севера и Юга, в своей кадровой политике Бакиев, по сути, вернулся к стилю Акаева — только на место «северян» пришли «южане»²¹. Как и во времена Акаева, ближайшим окружением и властно-экономической опорой президента стали его родственники. Сын Бакиева Максим возглавил Центральное агентство по развитию, инвестициям и инновациям, брат Джанибек — Службу государственной охраны. Близкие друзья последнего заняли посты министров обороны и внутренних дел. А друг Бакиева-младшего Д.Усенов в 2009 г. был назначен премьер-министром²². Очень быстро из семейного владения Акаева Кыргызстан начал превращаться в семейную корпорацию Бакиева, в правительстве которого теперь преобладали выходцы из Ошской области²³.

²¹ *Huskey, Iskakova 2010: 251.*

²² *Cummings et al. 2013: 445.*

²³ *Блохина 2012: 135.*

Именно клановая логика построения властной коалиции и послужила стимулом для интеграции противников Бакиева, которые, руководствуясь чувством самосохранения, объединились на основе негативного консенсуса²⁴. Несмотря на победу на президентских выборах 2009 г., на которых инкумбент получил 78% голосов, к 2010 г. стало очевидно, что социальная база его поддержки сократилась до минимума²⁵. В результате консолидации политической оппозиции в стране вновь сложилась ситуация биполярности, когда любая «искра» могла привести к массовой мобилизации. Такой «искрой» стало решение правительства о повышении цен на бензин на фоне общих экономических трудностей, обусловленных мировым кризисом 2008—2009 гг. В Бишкеке начались массовые протесты, переросшие в столкновения с силами правопорядка. Как и Акаев пятью годами ранее, Бакиев был вынужден бежать — сначала на юг страны, а затем и за ее пределы.

²⁴ *Huskey, Iskakova 2010: 116.*

²⁵ *Kubicek 2011: 116.*

Два описанных выше случая сходны тем, что при выстраивании властной коалиции оба лишившихся власти авторитарных лидера делали ставку на клановую стратегию, пренебрегая опасностью политизации высших чиновников и бюрократии²⁶. Формируя кланово-родственную сеть, как Акаев, так и Бакиев вытесняли опытных управленцев в лагерь оппозиции, сокращая свою властную коалицию и расширяя ряды оппонентов.

²⁶ *Cummings et al. 2013: 449.*

Драматические события на Украине на рубеже 2013—2014 гг., приведшие к свержению В.Януковича, были вызваны целым комплексом причин. Нельзя сказать, что клановые тенденции во властной коалиции играли в этих событиях ключевую роль. Однако само их наличие, когда сын президента Александр стал стремительно превращаться в одного из богатейших людей Украины²⁷, весьма знаменательно. Рост его влияния сопровождался ослаблением позиций других олигархов, что стимулировало их к переходу на сторону оппозиции.

²⁷ *Левинский 2014.*

В свою очередь опыт Узбекистана и Казахстана свидетельствует о том, что стабильность авторитарного режима во многом зависит от способности лидера отказаться от клановости и расширить властную коалицию. Так, президент Узбекистана И.Каримов сохранял элитный баланс, опираясь не только на родственников или близкий к нему самаркандский «клан», но и на представителей других элитных групп — при условии их лояльности. В частности, после массовых беспорядков в Андижане в 2005 г. он уволил министра обороны З.Алматова и ряд других силовиков — выходцев из Самарканда. Это привело к аппаратному усилению министра внутренних дел «ташкентца» Р.Иноятова, который руководил подавлением «андижанского мятежа», чем доказал свою преданность Каримову²⁸. Отход от клановой солидарности ради сохранения элитного равновесия и стабильности режима демонстрируют также события, связанные с ослаблением экономического и политического влияния старшей дочери Каримова Гульнары²⁹.

²⁸ *Kubicek 2011: 122.*

²⁹ *Антелава 2014.*

Аналогичным образом действия Назарбаева, направленные против его зятя Р.Алиева, говорят о том, что президент Казахстана следит за балансом элит и их лояльностью³⁰. Для решения этой задачи лидеры

³⁰ *Isaacs 2010.*

даже известных своим непотизмом режимов могут принести в жертву интересы «родного» клана, укрепляя прежде всего собственную власть.

Клиентелизм. В противовес кланам, клиентелы охватывают не только родственников, но и более широкий круг лиц. Ключевой чертой клиентелизма, отличающей эти отношения от патронажных, является сугубо персональный характер связей по линии «патрон-клиент». В то время как патронажные сети основаны на взаимодействии между лидером и деперсонифицированными социальными группами, коллективами или организациями, клиентелистские связи строятся на межличностных контактах и неформальных договоренностях³¹. При этом, если патронаж предполагает обмен общественными благами, клиентелизм можно определить как персональные отношения обмена приватными благами.

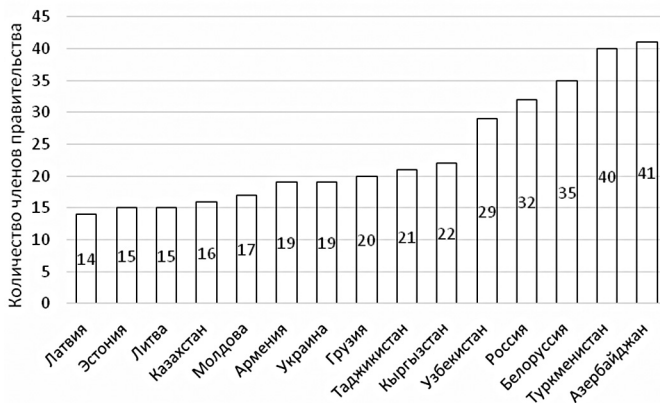
³¹ Erdmann, Engel 2006.

В отличие от клановости, клиентелизм позволяет авторитарным правителям формировать относительно широкие властные коалиции. Клиентелистские сети способны выступить консолидирующим фактором, сглаживающим этнические, субэтнические или региональные расколы. С помощью клиентелизма авторитарные лидеры могут минимизировать риски элитного переворота или массового бунта, распределяя правительственные должности среди потенциальных соперников. Как показывают статистические расчеты Л.Арриолы, опиравшегося на эмпирические данные о численности правительств 40 стран Африки между 1970 и 2000 гг., увеличение кабинета министров на одну персону может повысить устойчивость режима даже больше, чем экономический рост на 1%³².

³² Arriola 2009.

Если мы посмотрим на постсоветские страны под этим углом зрения, то увидим, что количество членов правительства в них существенно различается, варьируя в диапазоне от 14 министров (Латвия) до 41 (Азербайджан) (см. рис. 1).

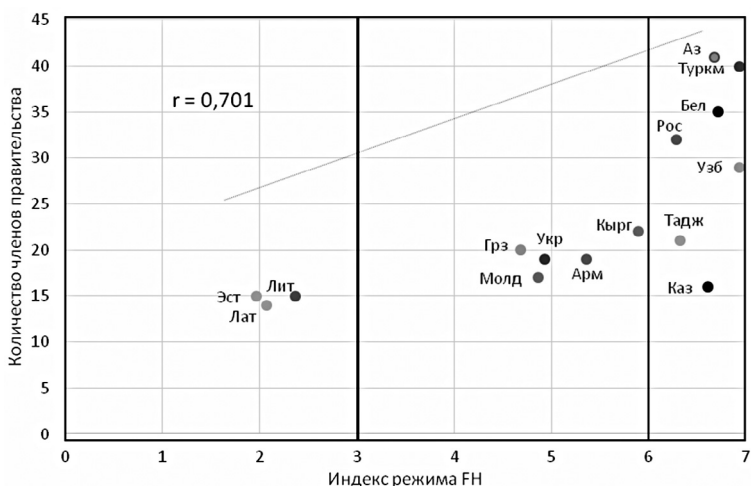
Рисунок 1 Количество членов правительства в постсоветских странах по состоянию на 2015 г.

³³ См. Nations 2014.

Распределение случаев по величине кабинета и режимному индексу (рассчитанному по методике «Freedom House»³³) позволяет зафиксировать корреляцию между степенью демократичности и размером правительства (см. рис. 2). Коэффициент корреляции составляет 0,701. Это означает, что при демократизации возникает тенденция к сокращению числа министров. В странах Балтии, дальше других постсоветских государств продвинувшихся по пути демократизации, количество министров не превышает 15 человек. У режимов гибридного типа (Грузия, Украина, Армения, Кыргызстан) значения этого показателя несколько выше (до 22 человек). Но больше всего министров в государствах, расположенных в зоне консолидированного авторитаризма, — Узбекистане (29), России (32), Белоруссии (35), Туркменистане (40) и Азербайджане (41).

Рисунок 2 Распределение постсоветских стран по режимному индексу и количеству членов правительства

Отчасти вне указанной закономерности находится случай Таджикистана. Однако самой заметной аномалией является Казахстан, где при бесспорно авторитарном режиме в состав правительства входят только 16 членов. Возможно, разгадка этой аномалии кроется в том, что меню неопатримониальных практик не ограничивается клановостью и клиентелизмом. Авторитарные режимы, особенно богатые сырьевыми ресурсами, имеют еще одну опцию в виде патронажа.

³⁴ Erdmann, Engel 2006.

Патронаж. Как уже отмечалось, патронаж строится на обмене ресурсами между патроном и социальными группами³⁴. Это обуславливает менее персонифицированные — по сравнению с кланами и клиентами — отношения, предполагающие взаимодействие авторитарного лидера с политическими или экономическими организациями, такими как партии, общественные объединения, государственные корпорации,

частные компании и т.п. Руководители этих организаций выступают в качестве его клиентов, использующих свое положение для личного обогащения, однако бенефициарами распределения ресурсов оказываются не только они, но и более низкие этажи социальной иерархии вплоть до массовых слоев населения. Такого рода масштабная распределительная практика требует сверхдоходов и едва ли доступна для режимов, испытывающих дефицит ресурсов. В богатых же ресурсами странах авторитарные правители вполне могут опираться не только и даже не столько на клановые и/или клиентелистские практики, сколько на патронаж.

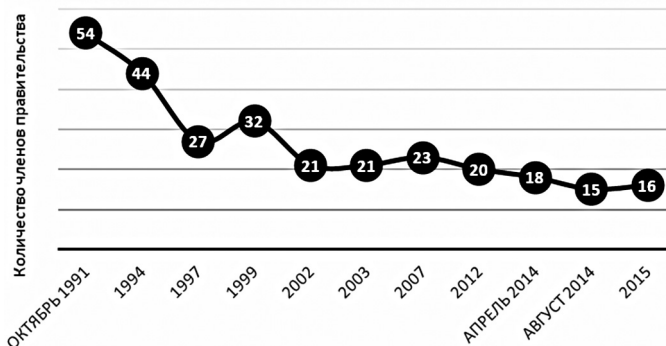
Специфика реализации патронажных практик заключается в том, что в целях расширения властной коалиции политический лидер задействует не только максимально близкие к себе структуры в виде кабинета министров или президентской администрации, но и более дистанцированные и объемные институты, как политические (легислатура, партии), так и экономические (государственные корпорации, бизнес-структуры).

Для задач патронажа может использоваться разный набор формальных институтов. Так, в Казахстане и России одним из таких институтов является доминирующая партия. В Казахстане в этой роли выступает пропрезидентская партия «Нур Отан» (до декабря 2006 г. — «Отан»), созданная в 1999 г. по инициативе Назарбаева и к 2004 г. добившаяся безусловного доминирования на электоральном поле.

На протяжении всего постсоветского периода численность правительства Казахстана неуклонно (при некоторых вариациях) сокращалась (см. рис. 3). Вместе с тем в стране были проведены институциональные реформы, резко снизившие межпартийную конкуренцию, но при этом расширившие возможности для кооптации в легислатуру. Так, согласно конституционным поправкам от 2007 г., численность Мажилы была увеличена с 77 до 107 депутатов³⁵.

³⁵ Кармазина 2008: 56.

Рисунок 3 Динамика численности правительства Казахстана (1991–2015 гг.)

Источники: Бектурганова Б., Абдыкасымова Г. 2003. Смена правительства: любопытная статистика // *Zonakz*. 08.05 (<https://zonakz.net/articles/3103>); Официальный сайт правительства Республики Казахстан (<http://www.government.kz/ru/pravitelstvo.html>).

В 2006 г. Назарбаев добился слияния с «Отан» партий «Азар» и «ГПК». Почти одновременно с этим были сняты ограничения на вступление в партии государственных служащих. Это стало важным сигналом для элит всех уровней, которым дали понять, что отныне любой доступ к властным позициям зависит от членства в «Нур Отан». Название партии стало синонимом государственной службы. После принятия новой версии закона о партиях, ужесточившей правила их формирования, а также перехода к пропорциональной избирательной системе с 7-процентным электоральным порогом конкуренцию «Нур Отан» не могла составить ни одна другая партия, что отчетливо продемонстрировали парламентские выборы 2007 г., на которых лишь «партия власти» преодолела установленный барьер, получив все места в Мажилисе³⁶.

³⁶ *Isaacs 2010: 1071.*

Разумеется, кооптация и интеграция элит с помощью «партии власти» не единственный механизм осуществления патронажа. Не меньшую роль в этом плане играют такие инструменты расширения властной коалиции, как распределение должностей и ресурсов через государственные компании, а также различного рода программы развития и инфраструктурные проекты.

Весьма показателен с этой точки зрения опыт Азербайджана и Узбекистана. В отличие от президентов России и Казахстана, руководители этих стран не придают большого значения партийным институтам и не склонны инвестировать в «партию власти». Это, однако, не означает, что они в принципе не прибегают к патронажу.

Например, для Азербайджана (как и для Казахстана) характерно увеличение бюджетных расходов по мере приближения выборов. Как показывает проведенный А.Кендалл-Тейлор анализ, в преддверии президентских выборов бюджетные расходы там существенно возрастают (до 80%), а по завершении электорального цикла начинают снижаться³⁷. Большая часть средств идет на строительство дорог, школ, больниц и других инфраструктурных объектов³⁸. Повышая популярность инкумбента среди массовых слоев населения, подобного рода вложения одновременно способствуют росту его поддержки со стороны элит, поскольку реализация соответствующих контрактов открывает перед ними широкие возможности для обогащения.

³⁷ *Kendall-Taylor 2012: 744—750.*

³⁸ *Ibid.: 755.*

Предпочтение данному способу «экономической опеки» над населением отдается в том числе потому, что эффект от других экономических мер несопоставимо ниже. (Это относится, в частности, к снижению налогов, тем более что в ресурсных государствах ставки налогов изначально невысоки³⁹.) Массированные бюджетные расходы в предвыборный период расширяют общественную поддержку авторитарного лидера, демонстрируют ресурсное превосходство власти над оппозицией и сдерживают потенциальную нелояльность элит.

³⁹ *Ross 2001.*

Заключение

Современные неопатримониальные режимы обладают рядом универсальных черт, к числу которых относятся персонализм, приватизация государственных структур и широкое распространение неформальных практик, подрывающих действие формальных институтов. В то же время конкретные наборы неформальных практик, определяющих формирование властной коалиции политического лидера, могут существенно различаться. Это позволяет выявить особенности функционирования неопатримониальных режимов, а также пролить свет на вопрос о причинах устойчивости авторитаризма в одних случаях и его уязвимости в других.

Выделение клановости, клиентелизма и патронажа в качестве особых механизмов кооптации элит помогает раскрыть специфику авторитарных режимов. Использование каждого из этих механизмов отражается на размерах властной коалиции, что имеет важные последствия для устойчивости режима. Клановость как кровнородственный принцип построения такой коалиции носит максимально персонифицированный и узкий характер, накладывая объективные ограничения на ее состав. Клиентелизм также отличается доминированием личных и откровенно персонифицированных связей между политическим лидером и элитами, однако эти связи выходят за рамки сугубо родственных, что открывает путь к расширению властной коалиции. Но наиболее широкая коалиция возможна при использовании патронажа, то есть отношений по модели «лидер — группа», которые требуют более институционализированных связей между политическим лидером, элитами и социальными группами.

Анализ постсоветских авторитарных режимов свидетельствует о том, что клановый принцип формирования властной коалиции — наименее эффективный способ удержания власти, чреватый дестабилизацией режима. Клиентелизм, позволяющий выстроить властную коалицию на более широкой основе, справляется с этой задачей несколько лучше. Самой выигрышной с точки зрения устойчивости режима стратегией является патронаж. Однако для использования патронажных практик нужны значительные средства, что делает данную стратегию практически недоступной для режимов, испытывающих дефицит материальных ресурсов.

Библиография

Амрекулов Н. 2000. Жузы в социально-политической жизни Казахстана // *Центральная Азия и Кавказ*. № 3 (<http://www.ca-c.org/journal/cac-09-2000/16.Amrek.shtml>).

Антелава Н. 2014. Гульнара Каримова: конец империи опальной дочери? // *BBC*. 16.01 (http://www.bbc.com/russian/international/2014/01/140116_gulnara_karimova_robber_baroness).

Бектурганова Б., Абдыкасымова Г. 2003. Смена правительства: любопытная статистика // *Zona Kz*. 8.04 (<https://zonakz.net/articles/3103>).

Блохина А. О. 2012. Киргизия: институты и эффективная политика // *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*. № 3.

Гельман В. 2015. *Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма*. — СПб.

Демократия и неформальная политика в Кыргызстане. 2008. — Бишкек.

Завадская М. А. 2014. Электоральные циклы в соревновательных авторитарных режимах // *Вестник Пермского университета. Серия: Политология.* № 3.

Кадыров Ш. 2010. *Элитные кланы: Штрихи к портретам.* — М.

Кармазина Л. 2008. Институционализация партийной системы Республики Казахстан: ретроспектива и современные тенденции // *Центральная Азия и Кавказ.* № 5.

Колоницкий Б.И. 2007. Постсоветская Грузия // Маргания О.Л., Травин Д.Я. (ред.) *СССР после распада.* — СПб.

Кынев А. 2011. *Кыргызстан до и после «Тюльпановой революции»* (<http://igpi.ru/info/people/kynev/1128082583.html>).

Ламажаа Ч.К. 2010. *Клановость в политике регионов России: Тувинские правители.* — СПб.

Левинский А. 2014. Прерванный полет: как обогащались младобизнесмены из «семьи» Януковича // *Forbes.* 26.02 (<http://www.forbes.ru/sobytiya/biznes/251395-prervannyi-polet-kak-mladobiznesmeny-iz-semiyanukovicha-obogatilis-za-gody-e>).

Теобальд Р. 2007. Патримониализм // *Прогнозис.* № 2.

Фисун О. 2010. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация // *Политическая концептология.* № 4.

Шкель С. Н. 2013. Новая волна: многообразие авторитаризма в отражении современной политической науки // *PolitBook.* № 4.

Acemoglu D., Robinson J., Verdier T. 2004. Kleptocracy and Divide and Rule // *Journal of the European Economic Association.* Vol. 2. № 2—3.

Arriola L. R. 2009. Patronage and Political Stability in Africa // *Comparative Political Studies.* Vol. 42. № 10.

Bratton M., Walle N. 1997. *Democratic Experiments in Africa: Regime Transitions in a Comparative Perspective.* — Cambridge, L.

Bueno de Mesquita B., Smith A., Siverson R., Morrow J.M. 2003. *The Logic of Political Survival.* — Cambridge (MA).

Collins K. 2006. *Clan Politics and Regime Transition in Central Asia.* — Cambridge, L.

Collins K. 2009. Economic and Security Regionalism among Patrimonial Authoritarian Regimes: The Case of Central Asia // *Europe-Asia Studies.* Vol. 61. № 2.

Cummings S., Juraev Sh., Pugachev A., Temirkulov A., Tiulegenov M., Tursunkulova B. 2013. State, Regime, and Government in the Kyrgyz Republic (1991—2010): Disaggregating a Relationship // *East European Politics.* № 4.

Eisenstadt S.N. 1973. *Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism.* — L.

Erdmann G., Engel U. 2006. *Neopatrimonialism Revisited — Beyond a Catch-All Concept* (http://www.giga-hamburg.de/de/system/files/publications/wp16_erdmann-engel.pdf).

Grzymala-Busse A. 2008. Beyond Clientelism: Incumbent State Capture and State Formation // *Comparative Political Studies*. Vol. 41. № 4/5.

Hale H. 2005. Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia // *World Politics*. Vol. 58. № 1.

Huskey E., Iskakova G. 2010. The Barriers to Intra-Opposition Cooperation in the Post-Communist World: Evidence from Kyrgyzstan // *Post-Soviet Affairs*. № 3.

Isaacs R. 2010. Informal Politics and the Uncertain Context of Transition: Revisiting Early Stage Nondemocratic Development in Kazakhstan // *Democratization*. Vol. 17. № 1.

Isaacs R. 2013. Nur Otan, Informal Networks and the Countering of Elite Instability in Kazakhstan: Bringing the «Formal» back in // *Europe-Asia Studies*. Vol. 65. № 6.

Kendall-Taylor A. 2012. Purchasing Power: Oil, Elections and Regime Durability in Azerbaijan and Kazakhstan // *Europe-Asia Studies*. Vol. 64. № 4.

Kubicek P. 2011. Are Central Asian Leaders Learning from Upheavals in Kyrgyzstan? // *Journal of Eurasian Studies*. № 2.

Kukhianidze A. 2009. Corruption and Organized Crime in Georgia before and after the «Rose Revolution» // *Central Asian Survey*. Vol. 28. № 2.

McGlinchey E. 2011. *Chaos, Violence, Dynasty: Politics and Islam in Central Asia*. — Pittsburgh.

Médard J. F. 1982. The Underdeveloped State in Africa: Political Clientelism or Neo-patrimonialism? // Clapham Ch. (ed.) *Private Patronage and Public Power: Political Clientelism and the Modern State*. — L.

Nations in Transit 2014: Ratings and Democracy Score Summary (<https://www.freedomhouse.org/sites/default/files/Data%20tables.pdf>).

Robinson N. 2013. Economic and Political Hybridity: Patrimonial Capitalism in the Post-Soviet Sphere // *Journal of Eurasian Studies*. Vol. 4. № 2.

Robinson N. 2012. Institutional Factors and Russian Political Parties: The Changing Needs of Regime Consolidation in a Neopatrimonial System // *East European Politics*. Vol. 28. № 3.

Ross M. 2001. Does Oil Hinder Democracy? // *World Politics*. Vol. 53. № 3.

Roth G. 1968. Personal Rulership, Patrimonialism, and Empire Building in the New States // *World Politics*. Vol. 20. № 2.

Schatz E. 2004. *Modern Clan Politics: The Power of «Blood» in Kazakhstan and Beyond*. — Seattle, L.

Spector R. 2008. Securing Property in Contemporary Kyrgyzstan // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 24. № 2.

References

Acemoglu D., **Robinson** J., **Verdier** T. 2004. Kleptocracy and Divide and Rule // *Journal of the European Economic Association*. Vol. 2. № 2—3.

Amrekulov N. 2000. Zhuzy v social'no-politicheskoj zhizni Kazahstana // *Central'naja Azija i Kavkaz*. № 3 (<http://www.ca-c.org/journal/cac-09-2000/16.Amrek.shtmI>).

- Antelava** N. 2014. Gul'nara Karimova: konec imperii opal'noj doche-ri? // *BBC*. 16.01 (http://www.bbc.com/russian/international/2014/01/140116_gulnara_karimova_robber_baroness).
- Arriola** L. R. 2009. Patronage and Political Stability in Africa // *Comparative Political Studies*. Vol. 42. № 10.
- Bekturganova** B., Abydkasymova G. 2003. Smena pravitel'stva: ljubopytnaja statistika // *Zona Kz*. 8.04 (<https://zonakz.net/articles/3103>).
- Blokhina** A. O. 2012. Kirgizija: instituty i jeffektivnaja politika // *Vestnik Permskogo universiteta. Serija: Politologija*. № 3.
- Bratton** M., Walle N. 1997. *Democratic Experiments in Africa: Regime Transitions in a Comparative Perspective*. — Cambridge, L.
- Bueno de Mesquita** B., Smith A., Siverson R., Morrow J.M. 2003. *The Logic of Political Survival*. — Cambridge (MA).
- Collins** K. 2006. *Clan Politics and Regime Transition in Central Asia*. — Cambridge, L.
- Collins** K. 2009. Economic and Security Regionalism among Patrimonial Authoritarian Regimes: The Case of Central Asia // *Europe-Asia Studies*. Vol. 61. № 2.
- Cummings** S., Juraev Sh., Pugachev A., Temirkulov A., Tiulegenov M., Tursunkulova B. 2013. State, Regime, and Government in the Kyrgyz Republic (1991—2010): Disaggregating a Relationship // *East European Politics*. № 4.
- Demokratija i neformal'naja politika v Kyrgyzstane**. 2008. — Bishkek.
- Eisenstadt** S.N. 1973. *Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism*. — L.
- Erdmann** G., Engel U. 2006. *Neopatrimonialism Revisited — Beyond a Catch-All Concept* (http://www.giga-hamburg.de/de/system/files/publications/wp16_erdmann-engel.pdf).
- Fisun** O. 2010. K pereosmysleniju postsovetsoj politiki: neopatrimonial'naja interpretacija // *Politicheskaja konceptologija*. № 4.
- Gel'man** V. 2015. *Modernizacija, instituty i «porochnyj krug» post-sovetsoj neopatrimonializma*. — SPb.
- Grzymala-Busse** A. 2008. Beyond Clientelism: Incumbent State Capture and State Formation // *Comparative Political Studies*. Vol. 41. № 4/5.
- Hale** H. 2005. Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia // *World Politics*. Vol. 58. № 1.
- Huskey** E., Iskakova G. 2010. The Barriers to Intra-Opposition Cooperation in the Post-Communist World: Evidence from Kyrgyzstan // *Post-Soviet Affairs*. № 3.
- Isaacs** R. 2010. Informal Politics and the Uncertain Context of Transition: Revisiting Early Stage Nondemocratic Development in Kazakhstan // *Democratization*. Vol. 17. № 1.
- Isaacs** R. 2013. Nur Otan, Informal Networks and the Countering of Elite Instability in Kazakhstan: Bringing the «Formal» back in // *Europe-Asia Studies*. Vol. 65. № 6.
- Kadyrov** Sh. 2010. *Jelitnye klany: Shtrihi k portretam*. — M.

- Karmazina** L. 2008. Institucionalizacija partijnoj sistemy Respubliki Kazahstan: retrospektiva i sovremennye tendencii // *Central'naja Azija i Kavkaz*. № 5.
- Kendall-Taylor** A. 2012. Purchasing Power: Oil, Elections and Regime Durability in Azerbaijan and Kazakhstan // *Europe-Asia Studies*. Vol. 64. № 4.
- Kolonicky** B.I. 2007. Postsovetskaja Gruzija // Marganija O.L., Travin D.Ja. (eds.) *SSSR posle raspada*. — SPb.
- Kubicek** P. 2011. Are Central Asian Leaders Learning from Upheavals in Kyrgyzstan? // *Journal of Eurasian Studies*. № 2.
- Kukhianidze** A. 2009. Corruption and Organized Crime in Georgia before and after the «Rose Revolution» // *Central Asian Survey*. Vol. 28. № 2.
- Kynev** A. 2011. *Kyrgyzstan do i posle «Tjul'panovoj revoljucii»* (<http://igpi.ru/info/people/kynev/1128082583.html>).
- Lamazhaa** Ch.K. 2010. *Klanovost' v politike regionov Rossii: Tuvinskie praviteli*. — SPb.
- Levinsky** A. 2014. Prervannyj polet: kak obogashhalis' mladobiznesmeny iz «sem'i» Janukovicha // *Forbes*. 26.02 (<http://www.forbes.ru/sobytiya/biznes/251395-prervannyi-polet-kak-mladobiznesmeny-iz-semi-yanukovicha-obogatilis-za-gody-e>).
- McGlinchey** E. 2011. *Chaos, Violence, Dynasty: Politics and Islam in Central Asia*. — Pittsburgh.
- Médard** J. F. 1982. The Underdeveloped State in Africa: Political Clientelism or Neo-patrimonialism? // Clapham Ch. (ed.) *Private Patronage and Public Power: Political Clientelism and the Modern State*. — L.
- Nations in Transit 2014: Ratings and Democracy Score Summary** (<https://www.freedomhouse.org/sites/default/files/Data%20tables.pdf>).
- Robinson** N. 2012. Institutional Factors and Russian Political Parties: The Changing Needs of Regime Consolidation in a Neopatrimonial System // *East European Politics*. Vol. 28. № 3.
- Robinson** N. 2013. Economic and Political Hybridity: Patrimonial Capitalism in the Post-Soviet Sphere // *Journal of Eurasian Studies*. Vol. 4. № 2.
- Ross** M. 2001. Does Oil Hinder Democracy? // *World Politics*. Vol. 53. № 3.
- Roth** G. 1968. Personal Rulership, Patrimonialism, and Empire Building in the New States // *World Politics*. Vol. 20. № 2.
- Schatz** E. 2004. *Modern Clan Politics: The Power of «Blood» in Kazakhstan and Beyond*. — Seattle, L.
- Shkel'** S.N. 2013. Novaja volna: mnogoobrazie avtoritarizma v otrazhenii sovremennoj politicheskoj nauki // *PolitBook*. № 4.
- Spector** R. 2008. Securing Property in Contemporary Kyrgyzstan // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 24. № 2.
- Theobald** R. 2007. Patrimonializm // *Prognosis*. № 2.
- Zavadskaja** M. A. 2014. Elektoral'nye cikly v sorevnovatel'nyh avtoritarnyh rezhimah // *Vestnik Permskogo universiteta. Serija: Politologija*. № 3.